

Особенности повествования и авторской дистанции в романах В. Гроссмана «Жизнь и судьба», Дж. Джонса «Отныне и вовек» и И. Кертеса «Обездоленность»

В статье ставится задача представить особенности повествования в романах русского писателя Василия Гроссмана (1905-1964) «Жизнь и судьба» (1960), американского романиста Джеймса Джонса (1921-1977) «Отныне и вовек» (1953) и венгерского писателя Имре Кертеса (1929-) «Обездоленность» (1975), выявить в произведениях те фрагменты, озвученные повествователем, которым свойственны общность и связь в последовательности описания событий, сюжетных действий, движущихся в романах в одинаковых координатах, таких как история и судьба, жизнь и судьба, судьба и время, воля и фатум.

Рассматривая линию созвучности исследуемых романов с теоретической точки зрения, можно сказать, что она берет свое начало еще с традиций XIX века, когда, как указывает В. Вестстейн, для написания литературных произведений часто использовался «биографический метод»¹. При этом корни этой традиции, возможно, были заложены намного раньше, потому что, как утверждает М. Бахтин, «своеобразные, внутренние противоречивые, переходные формы от самоотчета-исповеди к автобиографии появляются на исходе средних веков»². Этот метод не игнорируется и писателями XX века, авторами романов «Жизнь и судьба», «Отныне и вовек» и «Обездоленность», которые основаны в значительной мере на фактах биографии самих писателей, словно следуя мыслям М. Бахтина о том, что

*«самым обычным явлением даже в серьезном и добросовестном историко-литературном труде является черпать биографический материал из произведений и обратно, объяснять биографией данное произведение, причем совершенно достаточными представляются чисто фактические оправдания, то есть попросту совпадение фактов жизни героя и автора»*³.

В романах В. Гроссмана, И. Кертеса и Дж. Джонса нет случайных «совпадений» между фактами из жизни автора и его героя как выразителя биографии писателя. В этих произведениях «между реальной жизнью и художественной действительностью существует глубокое подобие, тяготеющее к тождеству»⁴. Воплощение авторами в текст романа собственной биографии

¹ ВЕСТСТЕЙН В. / WESTSTEYN W. The author and the 'I' in Bachtin's conception of the literary text. // Russian Literature XXXIII. North-Holland 1992, pg. 459.

² Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. // Издательство «Азбука». Санкт-Петербург 2000, с. 170.

³ Там же, с. 36.

⁴ БОНЕДКА Н. К. Проблема авторства в трудах М. М. Бахтина. // Studia Slavica Hung. (31). Akadémiai kiadó. Budapest 1985, 63 о.

посредством действий и речи определенного героя есть целенаправленным, точным и достоверным как в хронологическом, так и в событийном аспекте. Прототипом, «двойником»⁵ И. Кертеса в романе «Обездоленность» является заключенный концлагеря, еврейский мальчик Дёрдь Кёвеш, – у В. Гроссмана в романе «Жизнь и судьба» – физик-атомщик, еврей по национальности Виктор Павлович Штрум, – у Дж. Джонса в романе «Отныне и вовек» – рядовой, солдат армии США Роберт Пруит. Эти герои стали выразителями не только конкретных биографических данных из жизни самих писателей, но и их социально-политических взглядов, мировоззрений. Наиболее близкие, тождественные с авторами романов герои создают образное ядро, ударная сила которого выражена в поведении и речи героев, направленных на разоблачение, часто озвучиваемое не только самими персонажами, а также повествователем. Однако романы «Жизнь и судьба», «Обездоленность» и «Отныне и вовек» заслуживают внимания не только как одинаково равноценные в документальном и художественном отношении произведения, наполненные разоблачениями мира зла накануне и в период Второй мировой войны. Эти романы прежде всего стали свидетельством отчаянного и бесперспективного сопротивления против всего, что уничтожает человеческую личность. Авторское сопротивление и разоблачение своеобразными повествовательными приёмами вплетается в художественный мир романов В. Гроссмана, Дж. Джонса и И. Кертеса, выражается в повествовательных монологах разных субъектов повествования.

Автобиографические герои В. Гроссмана, И. Кертеса и Дж. Джонса, как и многие другие герои исследуемых романов, имеют возможность взглянуть на себя со стороны, с расстояния пережитых лет и полученного за это время жизненного опыта. Взгляд⁶ героя на самого себя реализуется посредством речи повествователя (его субъекты различны) и может быть выражен как посторонним, так и собственным взглядом или же мыслями участников события в сюжете исследуемых романов. В определенный момент своей жизни посторонним взглядом смотрят на себя герои романа «Жизнь и судьба». Они смотрят на себя так, как когда-то они смотрели «на других, на тех»⁷, кому не верили, подчинившись законам недоверия, «настроениям подозрительности»⁸. На вечные нравственные муки обречен в романе «Жизнь и судьба» ученый Штрум. Он под влиянием академика Шишакова и его «честного и открытого взгляда, каким смотрят люди, совершая плохие дела»⁹, подписывает несправедливое письмо, составленное в знак несогласия с поднятой Англией «подлой кампанией»¹⁰, направленной против публикации списка «якобы

⁵ Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук // Издательство «Азбука». Санкт-Петербург 2000, с. 43.

⁶ Взгляд имеет в исследуемых романах двойственное выражение, как зрительный акт и как рефлексия, как точка зрения.

⁷ Ланин Б. А., с. 36.

⁸ Там же, с. 37.

⁹ Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 443.

¹⁰ Там же, с. 443.

расстрелянных у нас ученых и писателей [...], репрессированных за политические преступления»¹¹, и с опровергнутой ею «установленных следствием и судом преступления врачей Плетнева и Левина, убивших Алексея Максимовича Горького»¹². Штрум, не веря в причастность этих людей к убийству «великого писателя, последнего русского классика»¹³, как и в последующие формулировки ложного письма о том, что «враг народа – писатель Бабель, враг народа – писатель Пильняк, враг народа – академик Вавилов, враг народа – артист Мейерхольд [...]»¹⁴, покорно подписывает организованное письмо. После этого случая Штрум смотрит на себя чужим, подлым взглядом Шишакова и ему подобных (Бадьин, Ковченко), ему стыдно, и он начинает понимать ужас своего положения, потому что в тот день, когда он подписал письмо, «не враги казнили его [...]. Казнили близкие своей верой в него»¹⁵. Живет в романе «Жизнь и судьба» еще один специфический взгляд, именуемый «крымовским взглядом», которым комиссар Николай Григорьевич Крымов смотрел на истинного героя Грекова, командира «истребленного, но не сломленного»¹⁶ маленького гарнизона, обитавшего в окруженном немцами доме «шесть дробь один». В этом доме управдом Греков собрал отрезанных от поселка людей, и под его командованием люди «отбили тридцать атак, восемь танков сожгли»¹⁷. Крымов приходит в этот дом для отстранения от командования Грекова и переподчинения людей себе. Однако Греков, отдавший всю свою жизнь за свободу родной страны, не соглашается на передачу управления защитников дома Крымову, написавшему после этого лживый донос на Грекова, якобы распространявшего среди своих бойцов «недобрый, несоветский, зеленый дух»¹⁸. Реакцию на подлый крымовский сигнал¹⁹ опережает трагическая смерть Грекова, избавившегося таким образом от горестного пути многих репрессированных, на который мог его привести поступок батальонного комиссара, доносчика Крымова, в чем убеждает читателя и повествовательная мысль, озвученная автором. Крымов – «доносчик, доложил в политуправление фронта о Грекове, не угробила бы Грекова немецкая бомба, его бы расстреляли перед строем командиров»²⁰.

Жестокий взгляд героев романа «Жизнь и судьба» на посторонних часто, словно бумеранг, возвращается к ним обратно, к тем подлым лицам, чьи взгляды таили в себе зло и ненависть. Вершиной повествовательной манеры В. Гроссмана является описание силы, подобной «подлому» взгляду Крымова, направленной против самого батальонного комиссара. Страдания, причиненные этим взглядом, Крымов переживает в камере Лубянки. Крымова также

¹¹ Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 443

¹² Там же, с. 444.

¹³ Там же, с. 446.

¹⁴ Там же, с. 446.

¹⁵ Там же, с. 447.

¹⁶ Ланин Б. А., с. 37.

¹⁷ Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 337.

¹⁸ Там же, с. 227.

¹⁹ Здесь выступающий в роли взгляда, как точки зрения героя.

²⁰ Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 337.

посадили «по чьему-то доносу»²¹. В поведении арестованного Крымова читатель с помощью повествовательного описания видит, как он воспринимает такие явления, как ненависть, стыд, отчаяние, сомнение. Когда следователь ударил Крымова на допросе, то у него «[...] в первые минуты не было ни ненависти, ни физической боли. Удар по лицу означал духовную катастрофу и не мог ничего вызвать, кроме оцепенения, остоленения»²². Крымов впервые почувствовал ненависть и стыд. Он

«[...] оглянулся, стыдясь часового. Красноармеец видел, как били коммуниста! Били коммуниста Крымова, били в присутствии парня, ради которого была совершена великая революция, та, в которой участвовал Крымов»²³.

Ненависть Крымова была несравнима ни с какой другой:

«Выродок бил его. Мutilось сознание, и до судороги в пальцах хотелось броситься на особиста. Он не испытывал подобной ненависти ни к жандармам, ни к меньшевикам, ни к офицеру-эсэсовцу, которого он допрашивал. В человеке, топтавшем его, Крымов узнавал не чужака, а себя же, Крымова, [...]. Это чувство близости поистине было ужасно. [...]. Он не мог осознать колоссального значения слов: “лишение свободы”. Он становился другим существом, все в нем должно было измениться, – его лишили свободы»²⁴.

Крымов терял себя самого и вспоминал, как он отзывался на аресты и исчезновения других:

«Когда сажали меньшевиков, эсэров, белогвардейцев, попов, кулацких агитаторов, он никогда, ни разу, даже на минуту не задумывался над тем, что чувствуют эти люди, теряя свободу, ожидая приговора. Он не думал об их женах, матерях, детях. [...] Ну вот теперь Крымова, большевика-ленинца, посадили. Теперь не было утешений, толкований, объяснений [...]. Все оказалось чудовищно жестоко, нелепо, бесчеловечно. Он впервые ясно понял, насколько страшны дела, творящиеся на Лубянке. Ведь мучили большевика, ленинца, товарища Крымова»²⁵.

Далее, как повествует автор в романе «Жизнь и судьба», в поведении Крымова наблюдаются моменты сомнения и, вероятно, даже прозрения. Ведь и он сам принимал доносы и отправлял недовольных или несдержанных на язык красноармейцев под суд военного трибунала. Позже, на допросах, Крымов убеждается, что он доносчик и предатель в прямом смысле слова. Крымов впервые в жизни признает в следователе, который дает ему в зубы, ему, «знатому рабочему движению в странах колониального Востока»²⁶, не «чужака»²⁷, не плохого человека, пробравшегося на важный пост, а свое собственное отражение, самого себя в прошлом, свою непримиримость, свой фанатизм. Для Крымова это «было видение и слышание себя изнутри эмоциональными

²¹ Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 337.

²² Там же, с. 327.

²³ Там же, с. 327.

²⁴ Там же, с. 328.

²⁵ Там же, с. 334.

²⁶ Там же, с. 327.

²⁷ Там же, с. 328.

глазами и в эмоциональном голосе другого»²⁸, он слышал «себя в другом, с другими и для других»²⁹.

В лагерях завершает свой жизненный путь и другой герой романа «Жизнь и судьба» – непримиримый Абарчук, «никогда не сомневавшийся в необходимости чисток, проработок, а может и репрессий [...]»³⁰. Вся жизнь, как говорит повествователь-автор, он

«ненавидел двурушников и социально чуждых. Его душевная сила, его вера были в праве суда. Он усомнился в жене и расстался с ней. Он не поверил, что она воспитает сына непоколебимым борцом, и он отказал сыну в своем имени (он считал, что из него вырастет мещанин, а не хороший коммунист – слова автора статьи). Он клеймил тех, кто колебался, презирал нытиков, проявлявших слабость маловеров. [...] Он засудил сорок социально неясных рабочих, подавшихся со стройки в деревни. Он отрекся от мещанина-отца»³¹.

Абарчук пытается не смотреть на себя со стороны, не оглядываться по сторонам, его манера поведения описывается автором через использование своеобразного приёма безоглядности героя. Он даже среди стен Лубянки остается преданным партии, которая уничтожила его и заставила подписать ложное признание в попытке убить Сталина. А в коротком отступлении Абарчук даже надеется на встречу со своим сыном и женой, которые признают его «великую, одинокую борьбу»³². Однако, Абарчуку, подобно Крымову, не суждено избежать страшного взгляда, которым он смотрел раньше на социально чуждых ему людей. Во время следствия Абарчук

«понял, что дело не в том, чтобы заставить его подписать показания о диверсиях и о шпионаже, и не в том, чтобы он оговорил людей. Главное было в том, чтобы он усомнился в правоте дела, которому отдал жизнь. Когда шло следствие, ему казалось, что он попал в руки бандитов, и стоит добиться встречи с начальником отдела – и бандит-следователь будет схвачен. Но шло время, и он увидел, что дело не только в нескольких садистах. Он узнал законы эшелона и арестантского пароходного трюма»³³

Герои И. Кертеса и Дж. Джонса также испытывают посторонний «взгляд на себя со стороны»³⁴. Использование постороннего взгляда есть важным приемом в романе «Обездоленность», в нем заключается новизна романа И. Кертеса. Как указывает Жужа Хетени, «странность повествования в том, что молодой герой наблюдает за явлениями и событиями с позиции почти

²⁸ Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. // Издательство «Азбука». Санкт-Петербург 2000, с. 189.

²⁹ Там же, с. 189.

³⁰ Ланин Б. А., с. 37.

³¹ Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 94.

³² Там же, с. 91.

³³ Там же, с. 91.

³⁴ ХЕТЕНИ Ж/ HÉTÉNYI ZS. «Разум не располагает знанием». Детский взгляд как повествовательный приём в венгерской литературе о Катастрофе (Шоа). // Tanulmánykötet Szőke György egyetemi tanár tiszteletére. Acta Universitatis Szegediensis, Dissertationes Slavicae XXIV. 2006, 200 old.

постороннего наблюдателя»³⁵. Например, таким взглядом наблюдает Дёрдь, выступающий в роли повествователя³⁶, за паразитами, которые пожирали его тело в лагерной больнице. Как вспоминает Дёрдь,

«они были повсюду, пробрались во все укромные уголки, моя зеленая шапка посерела, кишела ими, только что не шевелилась. И однако всего больше я был удивлен, поражен, а потом и ужаснулся, когда, вдруг почувствовав щекотку на бедре, я приподнял бумажную перевязку и увидел, что они уже и на моем мясе, питаются моею раной. Я пробовал их отряхивать, освободиться от них, хотя бы оттуда выжить, выковырять, хотя бы к капле терпения, ожидания их принудить – и могу сказать с уверенностью, никогда я не ощущал борьбу столь безнадежной, как эта, сопротивление столь упорным, столь бесстыдным, можно бы сказать. Через какое-то время я бросил и уже только глядел на эту ненасытность, на это копошение, жадность, аппетит, на это откровенное блаженство [...]. Тогда я и заметил: как-то я могу их понять, если все обдумать. В конце концов, мне почти полегчало, отвращение почти прошло. Радости не было по-прежнему, по-прежнему я был огорчен немного, и это, наконец, понятно, так я думаю – но уже скорее только в общем, без злобы, немножко, из-за всего устройства природы, так сказать; во всяком случае, я быстро их прикрыл и в дальнейшем уже на борьбу с ними не поднимался, больше их уже не беспокоил»³⁷.

Это бездейтельное противодействие Дёрдя, больше не проявляющее активного, живого участия в окружающих событиях, созвучно с «пассивным сопротивлением»³⁸ героя романа «Отныне и вовек» Роберта Пруита. Он на пороге смерти, при переходе из мира бытия в небытие смог познакомиться с тем, что он желал увидеть всю жизнь, и думал, что при встрече с ней останется сильным и мужественным, какой была его мать, сможет примириться со смертью, не сопротивляясь ей. Раненый смертельной пулей, солдат Пруит с позиции постороннего наблюдателя смотрит на себя. Он

«скользил куда-то вниз, будто несся на лыжах по отлогому склону снежной горы. И он чувствовал, как начинает отделяться от собственного тела. Он продолжал нестись вниз, потом заскользил медленнее и остановился, осторожно замер, будто что-то еще не окончательно решено, а потом даже немного вернулся назад. [...] Он попробовал заговорить, но понял, что не может [...] И двигаться [...] уже не может. Может только лежать и смотреть ...»³⁹.

³⁵ ХЕТЕНИ Ж. Порядок хаоса. Имре Кертес и его роман *Обездоленность* // Иерусалимский журнал. № 18, 2004. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.antho.net/jr/18.2004/02.php>.

³⁶ Следует отметить что в романе «Обездоленность» все «повествование ведется от первого лица» – главного героя Дёрдя Кёвеша. Цит. по ст.: Хетени Ж. Порядок хаоса. Имре Кертес и его роман *Обездоленность* // Иерусалимский журнал. № 18, 2004. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.antho.net/jr/18.2004/02.php>.

³⁷ КЕРТЕС И. *Обездоленность*. № 18.

³⁸ ДЖОНС ДЖ. *Отныне и вовек*. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 764.

³⁹ Там же, с. 765.

С этого момента мысли Пруита соединяются с речью автора-повествователя, который озвучивает действия героя. Связь героя с повествователем имеет важное значение для отражения в тексте процесса созерцания героем себя со стороны. Благодаря речи повествователя читатель узнает о том, что умирающее тело, вернувшееся на мгновение обратно в жизнь, поворачивается лицом вверх. Пруит «был рад, что смог перевернуться и лечь ровно. [...] Это было все, на что его хватило»⁴⁰ чтобы взглянуть на себя и в последний раз поразмышлять о себе. Он «всю жизнь [...] мучительно думал о смерти, всю жизнь ждал ее, ждал, ждал, [...], пока наконец не дождался, и всю жизнь надеялся, что, когда эта минута придет»⁴¹, он сумеет «держаться молодцом [...]». Но [...] не догадывался, что смерть так буднична. Окажись она чем-то необыкновенным, держаться молодцом было бы гораздо легче. [...] Он лежал, чувствовал, что обливается потом, и заставлял себя признать правду. Признать, что это конец. Он глядел правде в глаза»⁴² собственными глазами и просил себя уже со стороны «хоть шевельнуться. Хоть что-нибудь сделать, а не просто лежать и смотреть в глаза правде»⁴³. Однако он замечает, как и Дёрдь Кёвеш в романе «Обездоленность», что он одинок в этом мире, в неравном бою против могучей силы – смерти, как бессилён против ненасытных паразитов, пожирающих гнилую часть тела, Дёрдь. Сопrotивление Пруита было бессмысленным не только как в случае Дёрдя Кёвеша в романе «Обездоленность», а также как и Штрума, и Крымова в романе «Жизнь и судьба». Они, взглянув на себя с стороны своим или посторонним взглядом, приходят к единой мысли о том, «до чего же в этом мире одиноко!»⁴⁴ человеку.

Важное внимание в повествовательном плане романов «Жизнь и судьба», «Отныне и вовек» и «Обездоленность» заслуживают фрагменты, в которых через повествователя излагаются чувства героев, размышления о своей ответственности за судьбы мира и человечества. Испытываемое героем «чувство единения с судьбой человечества, с мировой историей веско подкрепляется повествователем»⁴⁵ в нескольких эпизодах романа «Жизнь и судьба». Например, настоящий символ русской женщины, Александра Владимировна Шапошникова, по мнению автора-повествователя,

«умела думать и волноваться о чужих людях, радоваться, приходить в бешенство по поводу того, что не касалось ни ее жизни, ни жизни ее близких [...] Пора всеобщей коллективизации, тридцать седьмой год, судьба женщин, попавших в лагеря за мужей, судьба детей, попавших в приемники и детдома из разрушенных семей [...], немецкие расправы над пленными, военные беды и неудачи, все это мучило ее, лишало покоя так же, как несчастья, происходившие в ее собственной семье»⁴⁶.

⁴⁰ Джонс Дж. Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 764.

⁴¹ Там же, с. 764.

⁴² Там же, с. 765.

⁴³ Там же, с. 765.

⁴⁴ Там же, с. 765.

⁴⁵ Ланин Б. А., с. 38.

⁴⁶ Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 387.

Или же майор Ершов, который «чувствовал, ему было ясно, что борясь с немцами, он борется за свободную русскую жизнь, победа над Гитлером станет победой и над теми лагерями, где погибли его мать, сестры, отец»⁴⁷.

В романе «Отныне и вовек» еврея, Исаака Натана Блума, не оставляет и никогда не оставит стремление доказать обществу, показать миру, «что евреи такие же люди, как все»⁴⁸. Герой понимает, что декларируемые им мысли и демонстрируемые им поступки с целью изменения негативного отношения к евреям есть безнадежным стремлением и мечтой, словесная реализация которых в тексте романа осуществляется повествователем, проникшим в мысли героя. Соответственно повествовательной авторской речи,

«многое из того, что делал Блум, чтобы прославиться, было ему не по душе, но ведь он добивался славы только потому, что надеялся все это изменить, надеялся доказать, что главное не это (что он еврей – слова автора статьи). Когда он увидел, как в роте уважают боксеров, он стал боксером. [...] Когда он увидел, как считаются с капралами и сержантами и как их любят, он стал капралом. [...] Он всего добивался собственным горбом. Когда он увидел, что чемпионами полка и дивизии восхищаются даже больше, чем просто боксерами, он поставил перед собой цель и [...] осуществил ее [...]. Он не собирался оставить им ни единой лазейки. Это было не просто: то, чего он добился, на тарелочке не подносят. Но он не отступал, потому что хотел заставить их полюбить себя, хотел неопровержимо доказать им, что нет такого понятия, как “еврей”.. [...] Но он ничего не может добиться, пока у него на лице эта откровенная реклама, этот нос»⁴⁹.

В заключение вышеизложенной цитаты озвучиваются повествователем раздумья Блума, покончившего жизнь самоубийством, а именно мысли о том, что «христиан учат ненавидеть евреев; евреев учат ненавидеть христиан. И нигде во всем этом мире, нигде, сколько не ищи [...], нет ни одной живой души, которая любила бы Исаака Натана Блума просто за то, что он – человек, за то, что он такой, какой есть»⁵⁰.

Аспекты взглядов Блума, причастного к судьбе огромной нации в романе Дж. Джонса, созвучны с поведением главного героя романа «Обездоленность». В произведении И. Кертеса есть отрывок, близкий не только по своему идейному содержанию к вышеприведенному фрагменту о связи индивидуума с историей, обществом в романе Дж. Джонса, а также и по эмоциональному характеру повествования. Он дается И. Кертесом, глубоко проникшим⁵¹ в намерения Дёрдя Кёвеша и его солагерника Банди Цитрома. С целью показать себя примерными узниками они вместе с другими заключенными работают с полной отдачей, чтобы показать себя и им подобных с лучшей стороны. Это видение Дёрдя усиливается его собственной мыслью о том, что солагерники «тоже не хотели ничего другого, как выставить себя

⁴⁷ Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 166.

⁴⁸ Джонс Дж. Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 559.

⁴⁹ Там же, с. 559–560.

⁵⁰ Там же, с. 561.

⁵¹ Это не случайность, потому что автор сам прошёл дорогу главного героя.

хорошими заключенными»⁵², показать, как сказал Банди, «что умеют ребята из Пешта»⁵³, что умеет нация, которая была подвержена грубому, зверскому уничтожению. От мыслей Банди не отрывается главный повествователь романа Дёрдь. Он усиливает значение вышесказанных слов, дополняя их тем, что Банди Цитром «это [...] имел в виду, вполне всерьез»⁵⁴. Стремления героев романа «Обездоленность» показать через собственное поведение и отношение к людям качества своей нации с наилучшей стороны, свою причастность к общееврейской судьбе находят отклик в желании Блума в романе «Отныне и вовек» быть во всем примерным. По признанию Дёрдя,

«при том, что, в конце-то концов, я в первый раз в жизни держал в руках вилы, и наш надсмотрщик, и какой-то человек, с виду вроде бы каменщик, наверно, с завода, то и дело на нас поглядывавший, оба казались вполне довольными, что только еще поднимало наше настроение, естественно»⁵⁵.

Социально-ролевая характеристика Дёрдя Кёвеша и Банди Цитрома наиболее сближается с мыслью автора-повествователя романа «Отныне и вовек» в той точке, в которой он дает прямую оценку качествам Блума, его жизни и отношения к среде в которой он жил. Блум

« всю жизнь старается чего-то добиться, что-то сделать, быть сильным и решительным, [...] совершить что-то необратимое, совершить сознательно, по своей воле. Но каждый раз им распоряжаются какие-то внешние силы, неожиданные обстоятельства и случайные совпадения швыряют его, куда им вздумается, а ему даже нечего на это возразить»⁵⁶.

Фактор «внешних сил» в романах представлен диктаторским режимом, в условиях которого жили Дёрдь Кёвеш, Ершов и Блум, а также другие герои исследуемых романов. Эта «сила» направлена на уничтожение человеческих взаимоотношений, под её давлением человек теряет самых близких для него людей, становясь одиноким на пути к выполнению намеченных планов, целей в жизни. Одиночество – это последствие режима, в котором живут герои, как и обман, с которым они сталкиваются на каждом шагу. Своеобразно происходит воплощение восприятия этого обмана в тексте романа И. Кертеса. Автор «Обездоленности» представляет читателю ужасы Катастрофы XX века через «наивность детского рассказчика»⁵⁷, детского взгляда на недетский мир. Дёрдь не видит чисто реальную картину трагедии, ведь он ребёнок. Герой только в конце романа осознаёт случившееся, ясно видит действительные стороны трагедии XX века. По словам Ж. Хетени,

«действие собственное происходит во внутреннем мире мальчика, и хотя роман показывает весь набор ужасов Шоа, самое ужасное — видеть разрушение человеческой души. Это – своеобразный роман воспитания, мы

⁵² КЕРТЕС И. Обездоленность. № 18.

⁵³ Там же, с. электронного источника.

⁵⁴ Там же, с. электронного источника.

⁵⁵ Там же, с. электронного источника.

⁵⁶ Джонс Дж. Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 561.

⁵⁷ HELENY ZS. «Разум не располагает знанием». Детский взгляд как повествовательный приём в венгерской литературе о Катастрофе (Шоа). // Acta Universitatis Szegediensis, Dissertationes Slavicae XXIV. 2006, с. 204.

наблюдаем за тем, как меняется рассказчик. Чистота ребёнка позволяет показать его как *tabula rasa*, как лакмусовую бумажку. Писатель шокирует своих читателей тем, что, особенно в начале, его рассказчик пользуется холодно-изысканным языком школьных сочинений с присущими такого рода сочинениям ошибками и косноязычием фальшивых, пустых оборотов. [...] Язык мальчика косвенно, почти как в сказе у таких писателей, как Бабель или Платонов, разоблачает тот мир лицемерия, ту Венгрию тридцатых годов, в которые этот мальчик вырос, и одновременно и те тоталитарные 50-ые–60-ые, которые внушили автору то же раздвоение сознания, что и довоенный фашизм в своем “мягком” варианте режима Хорти»⁵⁸.

В романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и Дж. Джонса «Отныне и вовек» воплощение правдивых сторон действительной картины мира происходит без использования новаторских повествовательных приемов, как в романе И. Кертеса. Герои В. Гроссмана и Дж. Джонса – это взрослые люди, в большинстве солдаты и лица, находящиеся в руководящей позиции. Событийная картина романов «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек» представлена авторами через взрослое восприятие истории XX века. Многие из героев романа Дж. Джонса и В. Гроссмана вступают в пространство романов для выполнения своих ролей уже как жертвы обманчивого тотального времени, в то время как в романе «Обездоленность» автор представляет процесс введения человека в заблуждение, превращая его в жертву режима в ходе поэтапной реализации властью силы обмана. В «Обездоленности» то, что видит и о чем размышляет ребёнок в некоторых эпизодах романа, не надо воспринимать читателю в прямом смысле. Например, ссылаясь на исследование Ж. Хетени,

*«подросток считает, что путешествовать интересно, и добровольно записывается в венгерском лагере на работу в Германии. С присущим его семье и вообще среднему классу отвлечённым уважением к немецкой культуре и порядку мальчик любит спокойствием немецких солдат, их точной, благодушной работой без заминки. Он рад, что он – как ему кажется – понравился немцу, отбирающему людей: кого на работу, кого прямо в крематорий»*⁵⁹.

Использование И. Кертесом обманчивого детского восприятия внешней среды для изображения реальной картины мира служит одной цели – показать, как обманывали людей, и что каждый может быть обманут, может стать жертвой неконтролируемой, тотальной власти, направленной на уничтожение свобод и прав личности.

С помощью разных субъектов повествования создается в романах «Отныне и вовек», «Жизнь и судьба» и «Обездоленность» своеобразная «атмосфера единения»⁶⁰ людей в пору важнейших исторических событий. Единение как факт выступает в произведениях на самых различных уровнях, от

⁵⁸ HETÉNYI Zs. «Разум не располагает знанием». Детский взгляд как повествовательный приём в венгерской литературе о Катастрофе (Шоа). // *Acta Universitatis Szegediensis, Dissertationes Slavicae* XXIV. 2006, с. 205-206.

⁵⁹ Там же, с. 206.

⁶⁰ Ланин Б. А., с 41.

единения солдат на поле боя и узников в лагерях смерти до единения взглядов в беседах героев, при этом единение имеет свои свойства, в большинстве случаев оно непредвиденно, «недолговечно, во многом призрачно»⁶¹. Оно и не могло быть другим в условиях диктата и тоталитаризма, где вера людей в силу единения – это самообман.

Атмосфера жизненного подъема, чувства уважения и сострадания друг к другу выражается словами автора в том эпизоде романа «Жизнь и судьба», где завершается соединение частей трёх фронтов вокруг Сталинграда:

*«Танкисты выпили, и их охватило счастливое состояние. Один из танкистов, улыбаясь набитым колбасой ртом, проговорил: “Вот что значит соединились – ваша водка, наша закуска”. Эта мысль всем понравилась, и танкисты, смеясь, повторяли ее, жуя колбасу, охваченные дружелюбием друг к другу»*⁶².

Однако это соединение обманчиво, оно не приносит мир и дружбу даже после Сталинградской битвы. Этих солдат, как и тех, которые сражались в тылу, ждёт другая война, которая продолжала разъединять людей. Это война между властью, выраженной диктатом сталинского режима и человеческим в человеке. Сталинградская битва определила «исход войны, но молчаливый спор между победившим народом и победившим государством продолжался»⁶³.

Нельзя назвать долговечным и единение солдат в песне «Солдатская судьба», сочиненной Пруитом в романе «Отныне и вовек». Повествователь называет ее песней «о людях, у которых нет своего угла. [...] Эта песня – Правда Жизни».⁶⁴ А правдой жизни оказались неблагоприятные в Америке условия жизни в 30-х годах, характеризующиеся спадом производства и нарастанием безработицы. От «экономического кризиса, который неожиданно вспыхнул в 1929 году в США»⁶⁵ американские парни спасались именно сверхсрочной службой, веря в обманчиво справедливую и достойную человека жизнь в рядах армии США. Герой романа «Отныне и вовек», горнист Ред, пришёл в эту «распрекрасную армию»⁶⁶, потому что, как говорит он, «на гражданке специалистам что-то пока не раздают жирных кусков. Им бы работу найти – и то счастье. [...] На гражданке мне жилось бы хуже. А голодать я не собирался»⁶⁷.

Исходя из размышлений журналиста в романе «Обездоленность» о том, что случившееся с Дёрдем «уже не только» его «дело отныне. Это дело нас всех, всего мира»⁶⁸, только остается надеяться, что единение людей небесперспективно, если оно основано на гуманных взаимоотношениях и служит защите прав и достоинств человека. Раньше⁶⁹, как размышляет Дёрдь, члены

⁶¹ Ланин Б. А., с. 41.

⁶² ГРОССМАН В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 347.

⁶³ Там же, с. 350.

⁶⁴ ДЖОНС ДЖ. Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 227.

⁶⁵ DÜRR V. Amerika története és földrajza. // Műszaki könyvkiadó. Budapest 1993, old. 97.

⁶⁶ ДЖОНС ДЖ. Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 28.

⁶⁷ Там же, с. 28.

⁶⁸ КЕРТЕС И. Обездоленность. № 18.

⁶⁹ Имеется в виду до войны.

его семьи не поддерживали соседских отношений. «Прежде мы с соседями не очень-то знали, но теперь оказалось, что мы одной расы [...], а это вынуждает к краткому вечернему обмену мнениями насчет наших общих перспектив»⁷⁰.

В концентрационном лагере недолговечностью отмечается установившееся ранее⁷¹ дружественное единение Дёрдя с Галантереем. Соответственно повествовательной речи Дёрдя, Галантерей, нашедший на кухне «завидное местечко среди тех, кто чистит картошку», отказывает в просьбе Дёрдя отыскать «что-нибудь пожевать, каких-нибудь остатков, чего-нибудь со дна котла»⁷². В ответ на поступок прежнего друга Дёрдя звучат соображения повествователя, самого Дёрдя, о том, что у «дружбы есть свои пределы по видимому, и что пределы проводит закон жизни»⁷³.

Особое внимание заслуживает повествователь в исследуемых романах в тех эпизодах, когда он приближается к проблемам, которые затрагивают дискриминируемую нацию, «всю общину евреев»⁷⁴. В этих фрагментах романов авторы, пользуясь «мудростью многовекового опыта»⁷⁵, оценивают вечную проблему с общечеловеческих позиций, рассматривают и измеряют ее в глобальных масштабах, часто занимают позицию заступников угнетаемых. Характерен для такой позиции рассказчика, иногда знающего даже больше, чем его герой, следующий эпизод в романе «Жизнь и судьба». Штрум заполняет анкету и постепенно подходит к пятому пункту. Он,

«нажимая на перо, решительными буквами написал «еврей». Он не знал, что будет вскоре значить для сотен тысяч людей ответить на пятый вопрос анкеты: калмык, балкарец, чеченец, крымский татарин, еврей ... Штрум не знал, что год из года будут сгущаться вокруг этого пятого пункта мрачные страсти, что страх, злоба, отчаяние, безысходность, кровь будут перебираться, перекочёвывать в него из соседнего шестого пункта «социальное происхождение», что через несколько лет многие люди станут заполнять пятый пункт анкеты с тем чувством рока, с которым в прошлые десятилетия отвечали на шестой вопрос дети казачьих офицеров, дворян и фабрикантов, сыновья священников»⁷⁶.

В романе «Обездоленность», для выражения в тексте неприязни к евреям, автором используется прием «эпизодических героев»⁷⁷. Они выполняют функцию повествовательных опор, центров, в которых сгущаются мысли о судьбе еврейства и отношения к ним. Один из таких героев – булочник. Только несколько выражений Дёрдя уделяется описанию его поведения с евреями,

⁷⁰ КЕРТЕС И. Обездоленность. № 14–15.

⁷¹ Имеется в виду до лагеря, еще во время работы на нефтеперегонном заводе «Шелл».

⁷² КЕРТЕС И. Обездоленность. № 18.

⁷³ Там же, с. электронного источника.

⁷⁴ КЕРТЕС И. Обездоленность. № 14–15.

⁷⁵ Ланин Б. А., с 44.

⁷⁶ ГРОССМАН В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 307.

⁷⁷ Ланин Б. А., с 47

однако таким образом в произведение входит история о жизни и судьбе целой нации.

«Сперва надо было обратиться к белокурой грудастой жене булочника: она вырезала из хлебной карточки нужные талоны, – а потом к булочнику, который отвешивал хлеб. Он даже не ответил на мое приветствие: все в округе знают, что он не любит евреев. Потому и в хлебе, который он толкнул в мою сторону, было с десяток-другой граммов недовеса»⁷⁸.

В романе «Отныне и вовек» аналогичное поведению «булочника» присутствует в размышлениях Вождя Чоута. Его мысли – выражение взглядов против национализма, защиты не только евреев, а людей любой национальности. В цитируемом эпизоде Чоут, опережая даже мысли автора-повествователя, знает, что «есть разные дуболомы и сволочи, которые над евреями издеваются, но у нас в роте таких нет»⁷⁹.

Своеобразно обогащают повествование романов В. Гроссмана, Дж. Джонса и И. Кертеса псевдодокументы – исповеди и письма героев, а также и их монологи. Они подчеркивают сложность изображенной эпохи. Единогласно звучат в романах исповеди определенных героев, размышляющих над сутью и смыслом человеческого бытия, возможностями сохранения человеческого в человеке, перспективами человеческой доли, разными формами проявления человеческой любви и заботы в условиях времени, в которых происходит действие. Пронзительной исповедью оказываются записки Иконникова, уничтоженного в фашистском лагере, о вечной борьбе добра со злом и наоборот:

«Движение жизни всегда воспринимается сознанием человека, как борьба добра и зла, но это не так. Люди, желающие человечеству добра, бесцельны уменьшить зло жизни. [...] Множество книг написано о том, как бороться со злом, о том, что же зло и что добро. Но печаль всего этого бесспорна – и вот она: там, где поднимается заря добра, которое вечно и никогда не будет побеждено злом, тем злом, которое тоже вечно, но никогда не победит добра, там гибнут младенцы и старцы и льется кровь. Эти [...] преступления творятся во имя добра. [...] История людей не была битвой добра, стремящегося победить зло. История человека – это битва великого зла, стремящегося размолоть зернышко человечности. Но если и теперь человеческое не убито в человеке, то злу уже не одержать победы»⁸⁰.

Слова «человечность» и «добродота» по своим смысловым качествам стоят очень близко к выражению «человеческая любовь», которая, соответственно чистосердечному любовному признанию Карен Хомс, героини романа «Отныне и вовек», также не обходится без ненависти, как и добро без зла в исповеди Иконникова. Это любовное признание героини Милту Терберу дополнено мыслью автора-повествователя и представляет собой своеобразный поток сознания Карен, он выше простого монолога, он заставляет читателя задуматься и оценить услышанное:

⁷⁸ КЕРТЕС И. Обездоленность. № 14–15.

⁷⁹ ДЖОНС ДЖ. Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 488.

⁸⁰ ГРОССМАН В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 217.

«В любви всегда есть доля ненависти. Потому что любовь привязывает тебя к человеку, которого любишь, и ты отчасти теряешь свободу. А ты этому противился, ты не можешь с этим смириться, ты не хочешь терять свободу, ты бунтуешь, но при этом стараешься заставить другого целиком пожертвовать своей свободой ради тебя. Любовь обязательно рождает ненависть. И пока на земле не перевелись люди, в любви всегда будет доля ненависти. Может быть, люди для того и созданы, чтобы научиться любить без ненависти»⁸¹.

Во имя вечной любви звучит в дополнение размышлениям Карен мысль автора о том, что есть «только один способ сохранить любовь – никогда не принадлежать друг другу. Вечно желать и вечно говорить своему желанию “нет”»⁸².

Исключительное внимание в романе «Обездоленность» представляют споры, своеобразные беседы, в которых сталкиваются разные точки зрения об испытаниях, что предстояли и состоялись для людей еврейской национальности. Среди многочисленных эпизодов такого характера особенно выделяется фрагмент очень серьезного разговора вернувшегося из лагеря в Будапешт Дёрдя Кевеша с оставшимися в живых родственниками, которые просили его забыть пережитые ужасы и начать новую, свободную жизнь. Дёрдь не согласен с просьбой людей, которые намного старше его и не извели лагерей. Он вступает в острый спор с собеседниками и вводит в повествование романа собственную теорию о понятии «доля», потому что, как говорит Дёрдь,

«“новую жизнь, [...] я мог бы начать только тогда, если бы родился заново [...]. И кстати, [...] я не замечал, чтобы были ужасы” [...] Теперь уже я мог бы [...] сказать, что это значит – “еврей”: Ничего, для меня и первоначально, по крайней мере, ничего, пока только не начинаются шаги. [...] Я [...] пережил заданную мне долю. И если доля существует, тогда невозможна свобода; [...] а если существует свобода, тогда нет доли, [...] – вернее, тогда доля – это мы сами»⁸³.

Не подлежит оспариванию мнение автора-повествователя и в небольшой цитате из главы романа В. Гроссмана о понятии «антисемитизм» Во все не в знак увлечения цитированием, а с целью демонстрации значения и функции мыслей повествователя в создании картины о состоянии, в котором очутился весь мир в романе «Жизнь и судьба», звучат нижеизложенные слова о том, что

«антисемитизм – явление особое в ряду преследований, которым подвергаются национальные меньшинства. Это явление особое, потому что историческая судьба евреев складывалась своеобразно, особо. Подобно тому, как тень человека дает представление о его фигуре, так и антисемитизм дает представление об исторической судьбе евреев. История еврейства сплелась и соединилась со многими вопросами мировой политической и религиозной жизни. Это первая особенность еврейского национального меньшинства.

⁸¹ Джонс Дж. Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 796.

⁸² Там же, с. 797.

⁸³ КЕРТЕС И. Обездоленность. № 18.

Евреи живут почти во всех странах мира. Такое необычайно широкое распространение национального меньшинства в обоих полушариях Земли представляет вторую особенность евреев. В пору расцвета торгового капитала появились евреи торговцы и ростовщики. В пору расцвета промышленности многие евреи проявили себя в технике и промышленности. В атомную эру немало талантливых евреев работает по атомной физике. ...

В двадцатом веке обреченный на гибель старый национальный уклад физически отсталых и неудачливых государств зажег костры Освенцима, люблинских и треблинских крематориев. К антисемитизму прибегают перед неминуемым свершением судьбы и всемирно-исторические эпохи, и правительства реакционных, неудачливых государств, и отдельные люди, стремящиеся выправить свою неудачную жизнь»⁸⁴.

Важное место в повествовании романа «Жизнь и судьба», «Отныне и вовек» и «Обездоленность» принадлежит роли мотивов. Особенную роль мотива в исследуемых романах равнозначно приобретают звуки песен и музыкальных инструментов. Они создают «определенный [...] фон»⁸⁵ для более точного восприятия читателем эмоционального тона повествования. Одна из важных деталей мотива музыки в романе «Жизнь и судьба» – звуки скрипки. В эпизоде с игрой на скрипке парикмахера Рубинчика у Крымова, слушающего мелодию, всплывают тревожные переживания, излитые повествователем в форме вопроса: «Почему тонкий, дребезжащий голос скрипки, поющий незамысловатую, как мелкий ручеек, песенку, казалось, выражал в эти минуты сильнее, чем Бах и Моцарт, всю просторную глубину человеческой души?»⁸⁶.

Затем Крымов вспоминает уход жены, в нем просыпается боль утраты, он с горечью задумывается над своим одиночеством. Описание его чувств опять рефлекторно передается повествователем:

«Снова в тысячный раз Крымов ощутил боль одиночества. Женя ушла от него. Снова с горечью он подумал, что уход Жени выразил всю механику его жизни: он остался, но его не стало. И она ушла. [...] Музыка, казалось, вызвала в нем понимание времени»⁸⁷.

Затем музыка еще неоднократно звучит в романе «Жизнь и судьба», и она всегда помогает в «верном восприятии и инструментовке повествования».⁸⁸

В восприятии и «понимании» тяжелого времени помогает музыка горниста Пруита, игравшего «вечернюю зорю»⁸⁹ для героев романа «Отныне и вовек». Повествование в произведении Дж. Джонса обогащает не только мелодия горна, умиротворяюще воздействующая на столкновение чувств солдат со временем службы, а также уровень душевного спокойствия, с которым играл горнист. Когда Пруит начинал играть, то у него, как говорит автор, «волнение, как сброшенная с плеч куртка, тотчас отлетало прочь, он внезапно

⁸⁴ Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 257–258.

⁸⁵ Ланин Б. А., с. 49.

⁸⁶ Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 25.

⁸⁷ Там же, с. 25.

⁸⁸ Ланин Б. А., с. 49.

⁸⁹ Джонс Дж. Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 226.

остался один, далеко ото всех»⁹⁰. Благодаря умелости повествователя наводятся интересные параллели между эмоциональным эффектом короткой мелодии горниста и временем, проведенным солдатами безрадостно или же с «определенным» наслаждением:

«У этого трубача [...] звук уверенно прокатился по двору и повис в воздухе, затянутый чуть дольше, чем обычное начало "вечерней зори" у большинства горнистов. Он тянулся, как тянется время от одного безрадостного дня к другому, тянулся, как все тридцать лет солдатской службы. Вторая нота была короткая, пожалуй, слишком короткая, отрывистая. Едва началась и тут же кончилась, мгновенно, как [...] время в борделе. [...] И вслед за ней последняя нота первой фразы, ликуя, взмыла вверх [...] из чуть сбитого ритма, вознеслась на недостижимую высоту, торжествуя победу гордости над всеми унижениями и издевательствами»⁹¹.

В романе И. Кертеса «Обездоленность» роль мотива приобретают мелодия и слова песни, часто напеваемой в концентрационном лагере Банди Цитромом. Цель использования этого мотива И. Кертесом во многом созвучна с авторскими намерениями Дж. Джонса и В. Гроссмана. Короткие отрывки любимой песни героя романа «Обездоленность» Банди Цитрома, подобно нотам из мелодии Пруита и звуков скрипки Рубинчика, вносят в пространство художественного текста романа «Обездоленность» мысли о вере человека в свою силу выдержать испытания и мучения, о преданности своей Отчизне, об уважении к своим товарищам. Мнения об этой песне вводятся в роман размышлениями Дёрдя Кёвеша, который вспоминает, что Банди Цитром вынес её

«еще из времен рабочего батальона и штрафной роты. "На земле Украины разряжаем мины, / Трусами не будем и на Украине", – так она начиналась, и ему особенно нравился последний куплет: "И если погибнет товарищ, задушевный друг, / Мы пошлем Отчизне весть: / Что бы нас ни ожидало, / Дорогая, прекрасная Отчизна, / Мы тебе не изменим, никогда!"»⁹².

О судьбе солдат армии США рассказывает и песня Сэла Кларка в сопровождении гитары в романе «Отныне и вовек». Эта песня, по мнению автора-повествователя, была

«совершенна, она все отдавала, и ничего не требовала; слова не говорили ничего, но вмещали в себя все, что можно сказать. [...] Истина [...] была в мудрой глубине немудреной песни, в своей непритязательности песня передавала то, что никогда не передать сложнейшими словами, она восходила к истокам, к изначальной простоте, и картина жизни, словно высвеченная яркой вспышкой, внезапно становилась ясна [...]»⁹³.

Один из стержневых вопросов в романе «Жизнь и судьба» – роль идей «приоритета классовых, партийных интересов»⁹⁴ и их лидирующих

⁹⁰ Джонс Дж. Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 226.

⁹¹ Там же, с. 226.

⁹² КЕРТЕС И. Обездоленность. № 18.

⁹³ Джонс Дж. Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва 1986, с. 146.

⁹⁴ Ланин Б. А., с. 52.

представителей в исторических событиях. Этот «стержневый вопрос» в романе «Жизнь и судьба» связан с партией и ролью личности Сталина в создании государства с режимом, параллельным фашистскому тоталитарному режиму Гитлера. Использование этого сравнения очень часто заметно на страницах романа «Жизнь и судьба», как и напоминание автором-повествователем о качествах вождя народа и лиц, преданных его идеям партийности. Например, для Дементия Гетманова, «хозяина области», «секретаря обкома», ставшего в романе выразителем жестоких, суровых идей партии Сталина, высшая степень

«партийности, ее суть была в том, что человек вообще не имеет ни склонностей, ни симпатий, могущих вступать в противоречие с духом партийности, – все близкое и дорогое для партийного руководителя потому и близко ему, потому только и дорого ему, что оно выражает дух партийности»⁹⁵.

Партийность, какой понимает ее Гетманов, становится кровожадной целью самовыражения, отклонением от здравого смысла бытия. Голос Гетманова озвучивает правила, которые вошли в моральные и этические нормы поведения с людьми. Соответственно повествовательной речи героя, для служителя-функционера не существовало

«ни земляков, ни учителей, которым с юности обязан многим, тут уж не должно считаться ни с любовью, ни с жалостью. Здесь не должны тревожить такие слова, как “отвернулся,” “не поддержал”, “погубил”, “предал” [...]. Дух партийности проявляется в том, что жертва как раз-то и не нужна – не нужна потому, что личные чувства – любовь, дружба, землячество – естественно, не могут сохраниться, если они противоречат духу партийности. [...] Сила партийного руководителя не требовала таланта ученого, дарования писателя. Она оказывалась над талантом, над дарованием. Руководящее, решающее слово Гетманова жадно слушали сотни людей, обладавших даром исследования, пения, писания книг, хотя Гетманов не только не умел петь, играть на рояле, создавать театральные постановки, но и не умел со вкусом и глубиной понимать произведения науки, поэзии, музыки, живописи [...]. Сила его решающего слова заключалась в том, что партия доверила ему свои интересы в области культуры и искусства»⁹⁶.

Романы В. Гроссмана, Дж. Джонса и И. Кертеса ставят острые вопросы, однако их решение авторы вручают читателю. Эта незавершенность решений выдвинутых задач, их открытость есть важной особенностью исследуемых произведений. Относительно общности особенностей повествовательной структуры романов следует отметить, что право изложения для читателей главных мыслей произведений принадлежит прежде всего автору-повествователю. Писательское мастерство В. Гроссмана, Дж. Джонса, И. Кертеса позволило создать на страницах романов разнообразие «форм авторского присутствия, к которым прибавляется повествовательная

⁹⁵ ГРОССМАН В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 51.

⁹⁶ Там же, с. 52.

активность»⁹⁷ второстепенных персонажей и различных мотивов. Например, в романе «Жизнь и судьба» с автором-повествователем наравне сосуществуют и «вспомогательные повествовательные фигуры – летописец, [...], военный историк, семейный повествователь»⁹⁸ – однако они только присоединяются к плану автора-повествователя или героя-повествователя, свою самостоятельность не получают.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И КНИГИ

- БАХТИН М. *Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*. // Издательство «Азбука». Санкт-Петербург, 2000, с. 5–332.
- БОНЕЦКАЯ Н. К. Проблема авторства в трудах М. М. Бахтина. // *Studia Slavica Hung.* (31). Akadémiai kiadó. Budapest 1985, с. 61–108.
- ЛАНИН Б. А. *Новая проза о войне и дилогия В. Гроссмана «Жизнь и судьба»*. // Российская академия образования. Институт общеобразовательной школы. Москва 1992, с. 4–59.
- ХЕТЕНИ Ж. Порядок хаоса. Имре Кертес и его роман «Обездоленность». // *Иерусалимский журнал*, № 18, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.antho.net/jr/18.2004/02.php>.
- DÜRR V. *Amerika története és földrajza*. // Műszaki könyvkiadó. Budapest 1993, old. 1–124.
- HÉTÉNYI Zs. «Разум не располагает знанием». Детский взгляд как повествовательный приём в венгерской литературе о Катастрофе (Шоа). Tanulmánykötet Szöke György egyetemi tanár tiszteletére. // *Acta Universitatis Szegediensis, Dissertationes Slavicae XXIV*. 2006, с. 199–212.
- WESTSTEIJN W. The author and the 'I' in Bachtin's conception of the literary text. // *Russian Literature XXXIII*. North-Holland 1992, pg. 459–470.

II. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

- ГРОССМАН В. *Жизнь и судьба*. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин 1990, с. 7–476.
- ДЖОНС Дж. *Отныне и вовек*. Роман. // Издательство «Радуга». Москва 1986, с. 3–831.
- КЕРТЕС И. Обездоленность. Роман. Перевели с венгерского Шимон Маркиш и Жужа Хетени. // *Иерусалимский журнал*, № 14–15 (начало), 2003. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.antho.net/jr/14-15.2003/11.php>.
- КЕРТЕС И. Обездоленность. Роман. Перевели с венгерского Шимон Маркиш и Жужа Хетени. // *Иерусалимский журнал*, №18 (окончание), 2004. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.antho.net/jr/18.2004/01.php>.

⁹⁷ Ланин Б. А., с 57.

⁹⁸ Там же, с 56.